
С КАФЕДРЫ
ПРЕЗИДИУМА РАН

**БОЛЬШАЯ ЕВРОПА:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

© 2018 г. Ал.А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 12.07.2017 г.

В статье, подготовленной на основе доклада, заслушанного на заседании президиума РАН 23 мая 2017 г., представлены модели международных отношений, определявшие форматы, несущие конструкции и элементы безопасности Большой Европы после 1945 г., как реализованные, так и проектные. Автором очерчиваются границы Большой Европы, раскрывается смысл внутренних и внешних угроз для неё. Сформулированы последствия для России ситуации усугубления рисков в развитии Большой Европы и задачи, которые стоят в этой связи перед страной.

Ключевые слова: модели международных отношений, Большая Европа, безопасность, внутренние и внешние угрозы, стратегия, разворот на Восток, мягкая и жёсткая сила, международный терроризм.

DOI: 10.7868/S0869587318050080

Для того чтобы быть правильно понятым, поясню прежде всего смысл терминов, использованных в названии статьи. Угрозы безопасности, как они представлены в данном исследовании, — это традиционные угрозы военного, социально-экономического и политического характера, это явные, очевидные и потенциальные риски неспособности государств или их объединений ответить на основные вызовы современности и национального развития.

Что такое Большая Европа? Огромное и мозаичное цивилизационное пространство от Атлантики до Тихого океана. Европа не сводится к географическому представлению о ней как о части Евразии от западных рубежей Португалии и Ирландии до Урала и тем более не ограничивается территорией Европейского союза. Большая Европа — это про-

странство множества европейских идентичностей. Европа в своём цивилизационном воплощении — то место, где большинство людей принадлежат многоликкой европейской культуре, точнее — культурам, говорят на множестве европейских языков, являются носителями исторической памяти, которая может как объединять, так и разделять. История и судьбы России — результат не только сплава европейских и евразийских ценностей, представлений и воззрений, но и взаимодействия разных цивилизаций. На первом месте среди них стоит цивилизация европейская.

**БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ
МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Приведём модели международных отношений, которые определяли форматы обеспечения безопасности во второй половине XX — начале XXI в.

Первая модель — биполярность, баланс силы и интересов сверхдержав — СССР и США. Глобальное управление и регулирование осуществлялись двумя противостоящими друг другу лидерами, создавшими круг союзников, сателлитов и попутчиков. С точки зрения реализации власти, это была модель с двумя «вертикалями». Она пришла на смену европоцентризму в международных от-

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, руководитель кафедры истории и теории международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета, председатель Ассоциации европейских исследований России, председатель Координационного совета профессоров РАН.

ношениях, доминировавшему со времён Великих географических открытий до середины прошлого века.

Вторая модель — однополярный мир 1990-х годов как стремление США к сохранению статуса сверхдержавы в условиях демонтажа своего основного конкурента. Как оказалось позднее, то была переходная модель, которая не смогла закрепиться на практике. Предполагалась одна вертикаль власти в системе глобального управления. Европейские центры силы занимали бы в ней ещё более неподчинённое место, чем в эпоху биполярности.

Третья модель — “евросфера” как попытка в первом десятилетии нового века вернуть европоцентризм в центр глобального регулирования. Но на сей раз европоцентризм в международных отношениях предусматривал лидерские позиции Европейского союза, а не Соединённых Штатов Америки, России, Китая или ещё кого бы то ни было. Такое лидерство должно было опираться на “мягкую” и нормативную силу Евросоюза. “Евросфера”, как и однополярность, также во многом осталась в проекте, оказалась частью переходного этапа. Череда кризисов в ЕС с середины 2000-х годов, увенчанная брекзитом, перечеркнула эти ожидания¹.

Четвёртая модель — полицентричный мир. В идеале это модель горизонтали власти, или сетевого устройства. На деле речь идёт о диагонали власти, то есть о широком распределении властных полномочий в системе глобального регулирования, но с сохранением элементов иерархичности и неподчинённости, другими словами — компромисса между вертикалью и горизонталью власти и влияния. Такая модель больше, чем другие, отвечает национальным интересам влиятельных субъектов международных отношений за рамками коллективного Запада — России, Китая, Индии и других стран.

Не по форме, но по сути такой полицентризм похож на модель “концерта держав”, который длительное время в XIX в. определял систему межгосударственных, точнее, межимперских, отношений в Старом Свете, а следовательно, во многом и в мире. Но полицентризм сегодня — это явление не региональное, а глобальное. Если бы он повлёк за собой формирование некоего подобия европейского “концерта держав”, то в нём ключевые игроки, расположенные в Большой Европе, были бы только частью мирового “концерта”. Существует достаточно аргументированная точка зрения, что современный полицентризм, в отличие от предыду-

щих конфигураций великих держав (биполярность, “концерт держав” XIX в.), не носит антагонистического характера. Одновременно указывается на то, что в современном мире усложнение урегулирования проблем безопасности всё же может приводить к катастрофическим последствиям [2].

Конечно, нет гарантии того, что модель конструктивного полицентризма, опирающегося на современное международное право, ядром которого служит ООН и её Устав, безальтернативна. Безальтернативен полицентризм как объективное явление, но не его возможные модели. Точно так же безальтернативна глобализация как усиление взаимозависимости мира, хотя и до определённого предела, но не её модели, они рукотворны. Неолиберальная модель глобализации, возникшая в 1980-е годы благодаря усилиям определённых политических движений и политических идеологий, почти выработала свой ресурс и требует замены.

Чрезвычайно важно, что на формирование моделей международных отношений и глобального регулирования громадное влияние оказывает субъективный фактор. От наличия или отсутствия политического лидерства будет многое зависеть и в Европе, и за её пределами². В отсутствие политической воли и при иных неблагоприятных обстоятельствах полицентризм может обернуться миром без правил, то есть хаосом, или миром, где будут сосуществовать несколько конфликтующих порядков³. В таком случае не исключён сценарий деглобализации. Действительно, с точки зрения объёмов мировой торговли, глобализация достигла пика в 2007 г., причём корни её гиперфазы уходят в 1980-е годы. Потоки товаров, услуг и капитала взлетели до отметки 53% в мировом ВВП. Затем они испытали резкое падение, откатившись в процентах от мирового ВВП до уровня 2001–2002 гг., а начиная с 2010 г. — неустойчивое укрепление. Как бы то ни было, в денежном выражении эти потоки увеличились на порядок — с 3 трлн долл. в 1980 г. до 30 трлн в 2014 г. [5].

Несколько слов о форматах, несущих конструкциях и элементах безопасности Большой Европы после 1945 г., как реализованных, так и проектных. На первом этапе, до 1980-х годов, ими служило в первую очередь международное право с опорой на Устав Организации Объединённых Наций, возникшей как часть Ялтинско-Потсдамской систе-

¹ Наиболее убедительно в пользу тезиса об ухудшении перспектив проекта ЕС свидетельствуют работы тех европейских аналитиков, которые раньше были убеждёнными европеистами. См., например, [1].

² Под политическим лидерством имеем в виду “политических лидеров” — проекты, а не конкретных политиков. О мифе “сильного лидера” см. [3].

³ В новейших российских исследованиях о позиционировании России в мире положение о формировании полицентричного мира стало магистральным, как и положение о том, что пока ещё слабо структурированный полицентризм может “свалиться” в хаотизацию. См., например, [4].

мы международных отношений. Ключевую роль играл институт национального государства как основной строительный материал системы глобального управления. Неотъемлемым элементом социальной стабильности стали социальный рынок и “государство благосостояния” (социальное государство). Относительную военно-политическую стабильность и предсказуемость поведения конкурентов обеспечило оружие массового уничтожения, особенно после того, как Советский Союз добился стратегического паритета с США в 1960–1970-е годы.

Стабилизирующим фактором стало закрепление в 1975 г. на Хельсинкском совещании по безопасности и сотрудничеству послевоенных границ в Европе. Существует мнение, что тогда, в Хельсинки, СССР принял стратегическое поражение за стратегическую победу, позволив вкратце в “декалог” принципам, с помощью которых Запад в среднесрочной перспективе добился значительного ослабления позиций своего противника. В первую очередь указывают на “корзину” прав человека и на оговорки касательно возможности изменения государственных границ.

Думается, что эта критика выступает с позиций постфактума, то есть задним числом, ретроспективно оценивает эффективность Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с высоты более поздних событий, которые уже не имели к нему прямого отношения. Такой подход представляется ошибочным. С одной стороны, эффективность любого соглашения надо оценивать по результатам, с другой – результатами можно считать последующие события, которые в реальности не являются звеньями причинно-следственных связей, вызванных в данном случае комплексом конкретных международных договорённостей.

Хельсинкский заключительный акт был компромиссным документом, для подписания которого Запад и Восток пошли на ряд уступок друг другу. В 1975 г. и длительное время после Совещания достигнутые соглашения представлялись обеим сторонам сбалансированными. Одновременно каждая из них не отказывалась от идеи при появлении возможности изменить баланс сил в свою пользу и в случае успеха превратить ранее сделанные соперником равновесные уступки в его ахиллесову пятую.

Если бы не договорённости 1975 г., удалось бы предотвратить ход событий, приведший Советский Союз к распаду 15 лет спустя? Думается, что Заключительный акт не имел к этому ни прямого, ни косвенного отношения. Допущенные руководством страны компромиссы при его выработке и заключении превратились в “прощёты” после того, как

начал меняться общий баланс сил в мире. В результате выгодные для СССР и затем России стороны соглашения стали выхолащиваться.

Например, принцип закрепления послевоенных границ в Европе. Агрессия НАТО против Югославии грубейшим образом нарушила его. Или принцип взаимного соотношения между безопасностью каждого государства-участника и безопасностью в Европе в целом. Расширение НАТО на Восток, начавшееся в 1990-е гг., перечеркнуло и эту договорённость. Ещё один пример – обязательство, что государства-участники будут уважать право друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы. Тезис Р. Рейгана об СССР как об “империи зла”, выдвинутый в 1983 г., или действия внешних акторов на постсоветском пространстве в 1990-е и 2000-е годы сводили данное обязательство к нулю.

В то же время компромиссные стороны Заключительного акта со временем стали трактоваться как “недалновидные” уступки со стороны советского руководства. В первую очередь это относится к “корзине” о правах человека. Но с тем же успехом можно было бы утверждать, что создание Совета Безопасности ООН в 1945 г. было ошибкой, так как в последующий период истории соперники СССР не раз использовали его с целью нанести урон Кремлю.

Похожей логикой руководствуется, например, Киев, обвиняя Москву в нарушении Будапештского меморандума. Украина задним числом заявляет об ущербности этого документа для её интересов в результате “нарушения” его Россией, хотя по сравнению с 1994 г. ситуация, с точки зрения взятых на себя тогда подписантами обязательств, коренным образом изменилась после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г.⁴ Другими словами, баланс выгод и уступок, заложенный в международном договоре, который заключён в конкретный исторический момент времени, может меняться в ходе последующих событий. В результате меняются его восприятие и оценки – его привлекательность или, наоборот, невыгодность.

Очевидную ценность хельсинкских соглашений доказывает и то, что до сих пор, более 40 лет спустя, на них постоянно ссылаются как на один из краеугольных камней послевоенной системы меж-

⁴ Отдельная тема – безосновательность обвинений России в нарушении Будапештского меморандума как такового даже с сугубо юридической точки зрения. Если Меморандум был меморандумом по сути, его невозможно было нарушить, так как стороны не взяли на себя юридических обязательств. Если же он был по сути международным договором, то и в этом случае нарушить его было нельзя, потому что ни одна из сторон не ратифицировала его.

дународного права и примера, которому в той или иной степени многие хотели бы продолжать следовать. Отсюда, например, столь широко обсуждаемая в последние годы идея “Хельсинки-плюс”. Отсюда и последовательная заинтересованность Москвы в обретении ОБСЕ (как наследника СБСЕ) полноценной правосубъектности для увеличения её роли в разрешении международных конфликтов. Отсюда и большие надежды, которые возлагают на ОБСЕ в деле урегулирования украинского кризиса.

Возвращаясь к ключевым элементам безопасности Большой Европы после 1945 г., необходимо упомянуть ещё об одном процессе – об историческом примирении Франции и Германии в рамках Европейского экономического сообщества. Для Западной Европы это стало бесспорным достижением.

На следующем этапе, со второй половины 1980-х годов, созданные ранее форматы безопасности Большой Европы стали обогащаться новыми идеями, которые, как казалось, могли привести к достижению действительно прочного мира без разделительных линий. Среди них идея общеевропейского дома, системы безопасности от Ванкувера до Владивостока, общеевропейской системы безопасности, равной и неделимой.

Активно протекал процесс разоружения, в том числе были подписаны Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и Договор об обычных вооружённых силах в Европе. Эффект “мирного дивиденда” высвобождал значительные средства, которые теперь могли идти на нужды гражданской экономики и на развитие социальной сферы.

Важной новацией в подходах к европейской безопасности стала концепция “мягкой” силы как альтернатива “жёсткой”. Именно “мягкая” сила на достаточно длительное время стала одной из главных составляющих подхода Европейского союза к вопросам развития и конфликтного урегулирования. Речь идёт о воздействии на мир с помощью своей привлекательности, культуры, языка и т.д. Китай во второй половине 2000-х годов вышел вперёд по количеству создаваемых в мире отделений Института Конфуция (более 400), более чем в 2 раза обогнав по этому параметру Британский совет и Институт Гёте. Новым фактором в этом соревновании стали Центры Русского мира – проект фонда “Русский мир”; их количество в 2017 г. достигло 109.

Продолжала реализовываться западноевропейская концепция региональной интеграции и “пула суверенитетов” ЕЭС/ЕС как смиренная рубашка национализма, приведшего к катастрофам Первой и Второй мировых войн. Именно такое, сугубо негативное отношение к национализму стало доминантой в политическом мышлении сторонников европейского федерализма. Более того, оно

стало распространяться и на отношение к национальному самосознанию как таковому. Вместо него должны были и дальше складываться общий европейский социум и европейская полития, в которых продолжали бы растворяться государственные границы и субъектность государств-членов.

С принятием в 1986 г. Единого европейского акта и в 1992 г. Маастрихтского договора федералистские тенденции в ЕС получили новый импульс. Тогда мало кто предполагал, что нивелирование национальных различий и перманентное изменение соотношения сил внутри интеграционного проекта в пользу наднациональных структур и нарративов в будущем приведёт к реакции отторжения, вплоть до выхода из ЕС одного из государств-членов.

БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

В последние десятилетия мы стали свидетелями шагов по размыванию и даже демонтажу различных форматов безопасности в Большой Европе и вокруг неё. Свою лепту внесла в это политика расширения НАТО. Поступательно происходило не только приближение военной инфраструктуры альянса к российским границам, но и попустительское безответственным действиям стран, рассчитывавших вступить в него. Например, такими были действия грузинского руководства в августе 2008 г.

Множилось число государств, обладающих ядерным оружием. В их число вошли Индия, Пакистан, а позже Северная Корея. Оружие массового уничтожения переставало рассматриваться как исключительная стабилизирующая сила и сдерживающий фактор, приобретая всё больше черт потенциального источника дестабилизации⁵. Так, повышение вероятности резкой эскалации напряжённости между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом, Вашингтоном и Токио, с другой, увеличивает гипотетические шансы обмена ядерными ударами вблизи российских границ или крупномасштабного конвенционального военного конфликта в регионе.

С начала XXI в. безопасность Большой Европы подтачивали разработка и строительство региональной ПРО как части глобальной системы ПРО США. После того как летом 2015 г. было заключено соглашение международной “шестёрки” с Ираном, но Вашингтон всё равно приступил к размещению

⁵ Специалисты по политической стратегии обычно рассматривают ядерное оружие как неизбежный атрибут стратегического планирования на всю обозримую перспективу, признавая одновременно потенциальную смертоносность этого атрибута. См., например, [6].

наземного компонента этой системы в Румынии и Польше, под угрозой оказался Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Происходит дальнейшее расшатывание системы глобального стратегического паритета.

Коррозия европейской безопасности ускорена с неожиданной стороны — постепенным отказом ЕС и значительным количеством его государств-членов от ведущей роли концепции “мягкой” силы в их внешней политике. Неоднократное применение рядом европейских стран и США, их союзниками военной силы в нарушение международного права в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, проталкивание независимости Косова, одержимость концепцией смены режимов нанесли вред ООН, увеличили степень нигилизма в отношении соблюдения норм международного права, столкнули лбами принципы права наций на самоопределение и территориальной целостности государств.

К отрицательным последствиям в сфере европейской безопасности привела политика расширения сферы влияния Евросоюза с помощью поддержки антироссийских сил. Одним из результатов этого стал антиконституционный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и дальнейшая эскалация напряжённости внутри Украины и вокруг неё. Если по этому трафарету продолжают развиваться события в Молдове, что становится всё более вероятным, в Приднестровье может вновь вспыхнуть горячий конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Расшатыванию основ региональной и глобальной безопасности способствовало активное использование санкционных режимов в обход Совета Безопасности ООН. Яркий пример — введение нескольких пакетов санкций против России, начиная с 2014 г., с постановкой заранее невыполнимых целей. Важно отметить, что использование рестрикций против России началось до событий на Украине — примером могут служить санкции в связи с “делом Магнитского”. Фактически, прибегая к всё более масштабной практике санкций, Запад своими руками увеличивает шансы на раскручивание процессов деглобализации, что должно быть невыгодно в первую очередь ему самому.

Потенциал дестабилизации безопасности Большой Европы заключается и в неустойчивости и неопределённости будущего политических режимов и партийно-политических систем ряда стран в пограничных с Россией регионах или близких к её рубежам, включая Закавказье, Центральную Азию, Ближний и Средний Восток.

В последние годы выросли масштабы внутренних вызовов безопасности Большой Европы. Среди них долгосрочным фактором являются демографические изменения, в первую очередь постепенное, но неуклонное снижение числа носителей европей-

ской культуры в результате низкой рождаемости среди коренного населения. Не меньшую угрозу могут представлять процессы депопуляции целых европейских стран или их отдельных регионов.

Ещё один грозный вызов — усиление социально-экономических диспаритетов как между государствами Большой Европы, так и внутри них. Мировой экономической кризис только усилил эти процессы. Так, в ЕС вследствие финансовых и банковских неурядиц, обострения проблемы бюджетных дефицитов, а затем суверенных долговых обязательств широкое применение нашла политика “жёсткой экономии”, глашатаем которой выступила Германия. Сумма этих негативных факторов привела к тому, что у многочисленных групп населения в течение длительного времени доходы стагнировали, а то и снижались в реальном выражении. Ответной реакцией на такое положение дел стал “новый популизм”, выразивший недовольство широких слоёв среднего класса своим обеднением и постепенным сворачиванием институтов “государства благосостояния”, а в более общих категориях — выхолащиванием послевоенного “социального контракта”. В числе побочных эффектов таких протестных настроений и повышения ощущения собственной уязвимости — рост радикальных политических движений, антисистемных сил, смыкающихся с экстремизмом, ксенофобией, расизмом.

Одним из центральных внутренних вызовов безопасности Большой Европы стала доктрина “новой холодной войны” — наихудшее выражение конкуренции различных центров силы Старого Света за влияние. Как и британская “неписаная” конституция, которая не существует в виде единого документа, но складывается из множества источников, доктрина “новой холодной войны” — образ собирательный, но вполне реальный. Многими и в России, и на Западе она рассматривается в качестве “новой нормальности” в их отношениях. “Подложка” здесь очевидна — заставить Москву втянуться в жёсткое противостояние со своими соперниками, составной частью которого является гонка вооружений, рассчитанная на постепенное изматывание России. Такое в истории уже было, и допустить повторения подобного нельзя.

Большая Европа стоит и перед лицом вызовов смешанной внутренней и внешней природы, между которыми трудно провести границу. В этой категории бесспорный “лидер” — международный терроризм. Когда-то это явление воспринималось как сугубо привходящее, внешнее для Европы, но к настоящему времени превратилось в доморощенный феномен Старого Света. Он появился лишь в 1990-е годы, уходя своими корнями во внутреннее межэтническое и религиозное противостояние

в Афганистане во второй половине 1970-х годов, в перипетии отношений Афганистана с соседями, в первую очередь с Пакистаном, в превращение Афганистана в зону противоборства между СССР и США после ввода советских войск в эту страну в 1979 г.

Нельзя не отметить полный провал так называемой “войны с международным терроризмом”, объявленной президентом США Дж. Бушем-младшим в 2001 г. После атаки на небоскрёбы в Нью-Йорке число погибших от терактов в мире к 2003 г. снизилось вдвое. Но после вторжения в Ирак зарегистрирован резкий рост числа жертв терроризма, которое достигло почти 12 тыс. человек. Затем вновь эти трагические цифры пошли на спад, но пережили новый взлёт до 32 тыс. погибших в 2014 г. после того, как изначально внутренние столкновения в Сирии превратились в результате вмешательства соседей Сирии, а также США в полномасштабную гражданскую войну и в целом в борьбу региональных государств за лидерство в этой части мира [7]. В 2017 г. международный терроризм продолжал носить черты устойчивого явления трансрегионального характера⁶. Продолжается относительное снижение и экономической, и политической конкурентоспособности Большой Европы по сравнению с быстрорастущими центрами силы. Отсутствует полноценная политическая субъектность Евросоюза; достаточно очевидна его неспособность проводить осознанную и самостоятельную внешнюю политику. Одно из проявлений этого – взятый курс на изоляцию России на международной арене и решение разногласий с ней с помощью давления и угроз. В Брюсселе и многих столицах стран-членов осознают эту неспособность. Отсюда резко возросшая активность европейских федералистов в деле развития общей политики обороны и безопасности, подстёгнутая “новым популизмом”, брекзитом и феноменом Д. Трампа. Значительное большинство граждан стран-членов ЕС недовольны ситуацией в этой сфере. Так, в Испании за более активную роль ЕС в мире выступает 90% населения, во Франции – 80%, в Италии – 77%, в среднем по ЕС – 74% [9].

Помимо массы традиционных и нетрадиционных внешних угроз, а также универсальных угроз, таких как климатические изменения, наркотрафик, организованная преступность, эпидемии, нельзя не отметить неконтролируемую миграцию, захлестнувшую Евросоюз с 2015 г. Африканский и ближневосточный демографический навес оказывается для Евросоюза, Балкан долговременным фактором. Для России, которая и так уже на протяжении многих лет – одна из крупнейших стран-реципи-

ентов мигрантов в мире, схожие проблемы могут усугубиться в случае всплесков насилия и дестабилизации в Центральной Азии, на Украине, в Северо-Восточной Азии.

ПОСЛЕДСТВИЯ УГРОЗ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

В наиболее общих категориях последствия для России усугубления ключевых внешних и внутренних угроз Большой Европы можно определить следующим образом.

Усилился целый ряд вызовов внешнего характера. Часть окружающего Россию мира превратилась в более агрессивную по отношению к ней среду. Это относится и к международному терроризму, и к политике расширения НАТО, и к антироссийским санкциям, и к строительству европейского компонента американской системы ПРО. Такое ухудшение ситуации компенсируется развитием евразийских интеграционных и международных проектов с участием России, в первую очередь БРИКС, ШОС, ЕАЭС, укреплением стратегического взаимодействия с Китаем. Активизируются поиски путей нормализации отношений России с Японией.

Произошло ухудшение внешних условий и с точки зрения экономической модернизации России и её социального развития. Долгое время основным её технологическим и инвестиционным донором считался именно коллективный Запад. В условиях санкций была применена вынужденная политика импортозамещения, которую можно рассматривать как желанную для развития лишь некоторых отечественных отраслей. Кроме того, и в этих отраслях первоначальный оптимизм в отношении посыла государства к импортозамещению снизился в результате трудностей на бюрократическом уровне и в банковской системе. Эти недостатки в механизме принятия решений и реализации задач, поставленных политическим руководством страны, необходимо устранять. С перспективой на несколько десятилетий вперёд именно угроза экономического и технологического отставания России от группы мировых лидеров может быть признана главным риском для страны [10].

В последние годы, главным образом в европейской части России, были реализованы или запущены рассчитанные на долговременный экономический и социальный эффект крупные инфраструктурные мегапроекты с масштабными бюджетными вливаниями: зимние Олимпийские игры в Сочи, “Большая Москва”, кубок Конфедераций, чемпионат мира по футболу и др. Эффективность каждого из них требует внимательного изучения. Ключевой момент – не допустить, чтобы государственные

⁶ На системный характер террористической угрозы указывает [8].

инвестиционные проекты превращались в инструмент решения ограниченной во времени задачи, вместо того чтобы давать мультипликационный эффект в качестве стратегических звеньев развития отечественной экономики.

Возрастание угроз внешней для России природы привело к значительному увеличению оборонных и иных сопутствующих расходов, к пересмотру государственного бюджета с точки зрения сокращения затрат на социальную сферу, на развитие науки, образования, здравоохранения. Пока нет оснований считать, что масштабный госзаказ в сфере ВПК становится драйвером роста в гражданских секторах экономики, что он приведёт к налаживанию “перелива” новых технологий в эти секторы. Это не означает, что военная модернизация России – не императив времени. Однако гражданские секторы экономики, в первую очередь её локомотив – потребительский сектор, нуждаются в собственных стимулах и ресурсах для переоснащения и роста, прежде всего в доступном кредитовании.

Из-за отсутствия видимых сдвигов в деле модернизации отечественной экономики и её стагнирующего развития из года в год падают реальные доходы населения и его покупательная способность. Хуже работают “социальные лифты”, что ведёт к накоплению социальной напряжённости. Эти негативные явления можно объяснить внешними факторами, в том числе антироссийскими экономическими санкциями, но в действительности они – лишь часть проблемы. Главный её источник, не могу не повторить, – отсутствие очевидных успехов в деле модернизации отечественной экономики, то есть в решении задачи, поставленной задолго до введения санкций. Кроме того, ссылки на негативный эффект санкций противоречат частым заявлениям об их благоприятном характере для развития ряда отраслей экономики России.

Наиболее технологически оснащённые государства мира в трудные времена в качестве долговременной антикризисной политики увеличивают траты на науку, в первую очередь фундаментальную, на образование, НИОКР. Например, так делала, в отличие от России, Германия в последнее десятилетие. Стратегическим конкурентным преимуществом в XXI в. будет оставаться наличие у государства современной фундаментальной науки. В России она переживает кризисные времена. Среди прочего обескураживает деградация поддержки государством общественных и гуманитарных наук, которые всё больше переводятся на финансирование по остаточному принципу. Грантовые программы могут быть эффективным подспорьем для базового финансирования, но не должны вытеснять его. Если это происходит, то теряется смысл самих

грантов, на основании которых фундаментальная наука не может развиваться в принципе.

Общим местом в России давно уже стали отсылки к успехам китайской модели развития. Одна из граней этой модели – системные государственные расходы на поддержку общественных и гуманитарных наук, в том числе на создание собственной мощной школы международных, региональных, страновых исследований.

Принципиально важно возрождение ключевой роли Российской академии наук как “мозгового штаба” отечественной фундаментальной науки. Этому должны способствовать адекватная реализация Стратегии научно-технологического развития России и разработка эффективного закона о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации. Значимую роль в решении этой задачи призван сыграть корпус профессоров РАН.

Сложившаяся в мире и в Большой Европе ситуация стимулирует государство вырабатывать новые стратегические подходы, а специфика политического процесса в России позволяет при их внедрении не зависеть от коротких электоральных циклов, предоставляя удобный горизонт стратегического планирования. В первую очередь, речь идёт о политике “разворота на Восток”, о крупных экономических проектах в неевропейской части России, таких как “Сила Сибири”. Многообещающим может стать решение о выделении земель на Дальнем Востоке в случае его системного внедрения. С учётом долговременного характера большинства вызовов безопасности Российского государства, как внутренних, так и внешних, вероятно, понадобятся и другие неординарные стратегические шаги, например, перенос ряда столичных функций в Сибирь⁷.

При этом в обозримой перспективе геополитическая и экономическая значимость Старого Света будет определять ведущую роль европейского вектора политики России, диктовать необходимость нормализации её отношений с ведущими державами и организациями на континенте. Выгода от этого была бы всеобщей. Так, объективные процессы глобализации и серьёзные политические просчёты поставили перед государствами-членами Евросоюза вопрос о выживании этого интеграционного проекта. Адекватный ответ на него не будет найден

⁷ Речь идёт о необходимости развивать стратегическое мышление, не ограничиваясь рамками военной теории и практики. Именно последние традиционно являлись и остаются базой стратегического мышления. Однако невоенная часть стратегического планирования приобретает в XXI в. всё большее значение, во многом равносильное традиционному формату. Об эволюции стратегического мышления см. [11].

без стратегии воссоздания кооперационного пространства от Атлантики до Тихого океана⁸.

* * *

Для того чтобы Россия утвердила себя в XXI в. не только как европейская и даже евразийская держава, которой она и так является, но и как держава трёх океанов, как один из ведущих центров влияния, ей важно выстроить свои геостратегические приоритеты. Если для России Большая Европа не будет надёжным и устойчивым мегарегионом, то поворот на Восток в смысле многовекторной диверсификации внешней политики страны, её экономики будет сопровождаться высокими рисками.

Опасно реализовывать пространственную стратегию развития, если у тебя не обеспечены тылы в прямом и переносном смысле. Россию как мощного трансрегионального, а тем более глобального игрока на Юге и Востоке в полной мере воспринимать не будут, если она не обустроит свой “европейский тыл”. Россия как главный игрок, в первую очередь в Большой Европе, неизбежно заинтересована в решении проблем именно здесь, на пространстве от Лиссабона до Владивостока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zielonka J.* Is the EU Doomed? Cambridge, UK: Polity, 2014. Reprinted 2016.
2. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2016.
3. *Brown A.* The Myth of the Strong Leader. Political Leadership in the Modern Age. London: Vintage Books, 2015.
4. Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024). М.: Центр стратегических разработок и РСМД, 2017.
5. Munich Security Report 2017. С. 9. <http://www.securityconference.de/en/discussion/munich-security-report>
6. *Gray C.S.* The Future of Strategy. Cambridge, UK: Polity, 2015.
7. START Global Terrorism Database, <http://www.start.umd.edu/gtd>. Подсчитано Institute for Economics and Peace.
8. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2016 году. Обзор МИД России. Москва, апрель 2017 г. <http://www.mid.ru/ru/activity/review>.
9. Pew Research Centre. Spring 2016 Global Attitudes Survey. Q 39.
10. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
11. *Milevski L.* The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016.
12. Европа XXI века: новые вызовы и риски / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История, 2017.

После выступления член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко ответил на вопросы участников заседания.

Академик РАН Г.Г. Матишов: Вы вскользь сказали об Украине. Что можно сказать о её ближайшем будущем?

Ал.А. Громыко: В поисках ответа на этот вопрос ломают головы политики, военные. Визит А. Меркель в Сочи и её встреча с Президентом России показала, что в истеблишменте “нормандской четвёрки” нет представления о том, как в обозримом будущем выйти из украинского тупика. Основой для умиротворения этого конфликта служат Минские соглашения. Когда они были достигнуты, в России, Германии и во Франции рассчитывали на наличие в Киеве политического окна, позволяющего президенту Порошенко пройти свою часть пути, намеченного “Минском-2”. Но решение вопросов, которые может решить только власть в Киеве, затянулось, и окно возможностей закрылось.

У Порошенко уязвимое и хрупкое положение на Украине. В международных форумах нередко участвуют представители второго эшелона политиков и бизнесменов, олигархов, считающих, что скоро наступит их черёд. В этой ситуации ждать, что Порошенко и его команда смогут на деле пройти свою часть пути, скорее всего, не приходится. Конфликт всё больше приобретает черты замороженного.

В последнее время обсуждаются вопросы размещения миротворческой вооружённой миссии в буферной зоне между Украиной, находящейся под контролем Киева, и непризнанными республиками Донбасса. Если это будет сделано, можно будет, вероятнее всего, выполнить требования первого пункта “Минска-2” – прекращение военных действий и обстрелов с обеих противоборствующих сторон. Но одновременно такой шаг лишь законсервирует ситуацию, поставит окончательный крест на возможности реинтеграции этих частей Украины и, как я уже сказал, в лучшем случае приведёт к замораживанию конфликта. Это не лучший путь: как мы знаем из истории, подобные конфликты рано или поздно драматически “размораживаются”. До тех пор, пока в Киеве не произойдут изменения

⁸Этой многогранной тематике посвящена коллективная монография ИЕ РАН, выпущенная к 30-летию института [12].

в политической системе, пока не придут к власти новые лица, настроенные на мирное решение проблемы, изменить ситуацию к лучшему не удастся.

Академик РАН С.М. Алдошин: Вы упомянули в докладе политику импортозамещения. Как вы её оцениваете?

Ал.А. Громыко: Должен отметить: многое из того, что реализуется в рамках импортозамещения, могло и должно было проводиться и в отсутствие санкционной войны между Россией и Западом. Естественно, никто из экономистов не будет рукоплескать такому методу подталкивания к диверсификации экономики, как санкции. Но по факту в ряде отраслей экономики, прежде всего в военно-промышленном комплексе, в немалой степени и в аграрном секторе, наблюдаются значительные положительные сдвиги. Благодаря развитию мясного производства, например, в Воронежской области в наших магазинах всё меньше пользуются спросом мраморная говядина из Новой Зеландии или Бразилии, люди покупают высококачественное мясо, произведённое в России. Однако бизнесмены опасаются, что протекционистские меры, позволяющие им развивать производство и встать на ноги, могут быть сняты в случае отмены санкций, и они вновь проигрывают за счёт наплыва импорта. Мне представляется, что импортозамещение, если оно в ряде отраслей даёт положительные результаты, должно с помощью других методов поддерживаться и в случае снятия санкций. При нормализации отношений России с Западом импортозамещение будет сворачиваться в тех секторах, где Россия не может обойтись без участия в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

С.М. Алдошин: Что вы можете сказать о внешне-экономических факторах, препятствующих модернизации российской экономики?

Ал.А. Громыко: В годы, когда было провозглашено стратегическое партнёрство между Россией и Евросоюзом, наблюдалась, на мой взгляд, странная ситуация: многие считали, что формат разделения труда, складывавшийся между Россией и странами Евросоюза, оптимальный. Но мы знаем, что отечественная экономика все последние годы отличалась однобокостью, упором на определённые сектора. Евросоюз рассматривал и продолжает рассматривать Россию в качестве надёжного поставщика главным образом энергоресурсов. И эта ситуация вполне устраивает крупные европейские фирмы, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью и заинтересованные в российском рынке ёмкостью в 146 млн человек. Несмотря на то, что малый и средний бизнес благодаря инвестициям и приходу в Россию компаний из Германии, Италии, Великобритании, Голлан-

дии от этого выигрывал, в целом это не повлияло на структуру экономики нашей страны.

Модернизация российской экономики провозглашалась одним из лозунгов в годы президентства Д.А. Медведева, для её активизации подписывались соответствующие соглашения со многими странами-членами Евросоюза. Но, во-первых, фактически эти соглашения остались на бумаге. Во-вторых, несмотря на достаточно большой объём прямых портфельных инвестиций в Россию из стран Евросоюза, их величины оказались далеко недостаточными для того, чтобы, опираясь на внешний фактор, модернизировать нашу экономику. Если мы временно ставим крест на стратегическом партнёрстве с Евросоюзом и разворачиваемся на Восток, для настоящей модернизации российской экономики надо больше опираться на собственные силы, проявить политическую волю и создавать благоприятный инвестиционный климат внутри нашей страны, нежели полагаться на помощь извне.

Академик РАН Л.М. Зелёный: Наверное, из-за ограниченности времени вы в своём докладе не вдавались в подробности относительно внешне-политической позиции отдельных стран Евросоюза, например, Венгрии. Есть ли надежда на то, что в создаваемом антироссийском едином фронте возникнут трещины, в частности, есть ли надежда на балканские страны, у которых с Россией традиционные многогранные связи?

А.А. Громыко: Евросоюз, включающий 28 стран пока ещё с учётом Великобритании, — это крайне неоднородное, пёстрое и многоликое объединение. В нём есть страны со значительными политическими, социально-экономическими диспаритетами, ставшими одним из главных факторов тех проблем, с которыми ЕС столкнулся в последние годы. В Европе на протяжении четырёх десятилетий, с 1950-х по 1980-е годы, действовал двигатель под названием “франко-германский тандем”. В 1990–2000-е годы из-за того, что Франция стала терять свои позиции, в основном в экономике, вперёд вырвалась Германия, став признанным экономическим и политическим лидером Евросоюза. С учётом дрейфа Великобритании в сторону от ЕС встаёт вопрос: как будет меняться конфигурация сил внутри Европейского союза и, соответственно, как Россия может этим воспользоваться?

Раньше, когда речь шла о “большой тройке”, имели в виду Великобританию, Францию и Германию с постоянным подключением Италии. В настоящее время “большая тройка” превратилась в “большую четвёрку”, в которую включают Францию, Германию, Италию и Испанию. В ней достаточно примирительную политическую позицию по отношению к нашей стране занимают Италия

и Испания. А вот Германия, к удивлению многих в России, в 2014 г. взяла курс на лидерство в категории стран, выступивших за введение санкций против нашей страны. Во Франции многие рассчитывали на то, что как только новым президентом станет Ф. Фийон, не боявшийся открыто выступать за нормализацию отношений с Россией, связи Москвы и Парижа начнут налаживаться. Но обстоятельства сложились по-другому: президентом стал Э. Макрон. Учитывая, что он пришёл во власть с лозунгом возрождения величия Франции, независимой, самостоятельной её внешней политики, не исключено, что Макрон может попробовать предпринять достаточно неординарные шаги для выполнения хотя бы внешнеполитической части своей предвыборной программы. Как мы знаем, французские президенты всегда тяготели к новациям именно во внешней политике, где у них из-за действующих конституционных норм намного больше свободы выбора, чем во внутренней политике.

Вы абсолютно правы, что в таких странах, как Венгрия, Словакия, Греция, Кипр, время от времени открыто высказываются симпатии к нашей стране. Но учитывая, что Евросоюз – организация с мощными наднациональными структурами, маловероятно, что малые и средние страны пойдут против крупных игроков, против консенсуса и выступят, например, за снятие санкций с России, если тяжеловесы будут на ограничительных мерах настаивать. Поэтому движение в благоприятную сторону должно быть инициировано той или иной крупной страной, которая рано или поздно придёт к выводу, что в её в национальных интересах взять лидерство в вопросе о демонтаже политической эскалации между Россией и Евросоюзом, призвать к этому и своих соседей.

Академик РАН Г.А. Месяц: У меня короткий вопрос: в чём суть обязательств России по “Минску-2”?

Ал.А. Громыко: Надо сказать, что юридически Россия – не сторона этого соглашения. Мы знаем, что стороны – это Украина и две непризнанные республики. Россия – в числе гарантов договорённостей, достигнутых в Минске. Но де-факто все понимают, что Россия ждёт от Франции и Германии, если иметь в виду нормандский формат, и неформально от США нажима на Киев, чтобы он выполнял свою часть соглашения. В свою очередь, наши западные партнёры ждут от России, что она будет влиять на Донецк и Луганск, чтобы они этих соглашений также чётко придерживались. Вертикаль власти в непризнанных республиках до конца не выстроена, она достаточно рыхлая в смысле регулирования политического и политико-военного процесса. Надо сказать, что Россия оказалась

в не менее сложной ситуации, чем западные страны: мгновенных рычагов для прямого влияния на то, чтобы переговорные рабочие группы в рамках “Минска-2” достигли каких-то соглашений, у неё нет. Насколько я понимаю, Россия сделала всё от неё зависящее для того, чтобы “Минск-2” стал успешным. И, как говорится, мяч давно на стороне поля тех стран, которые с декабря 2013 г. принимали как косвенное, так и прямое участие в смене власти на Украине, апогеем чего стал государственный переворот, происшедший в ночь с 20 на 21 февраля 2014 г.

Академик РАН Ю.А. Золотов: Как бы вы с позиций сегодняшнего дня оценили значимость и особенно перспективы Хельсинкских соглашений?

Ал.А. Громыко: В один из слайдов, сопровождающих мой доклад, я включил упоминание о 1975 г. – годе подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это один из ключевых элементов безопасности Старого Света. В этой связи не могу не вспомнить: когда у Андрея Андреевича Громыко в личных разговорах спрашивали, что он считает самым большим своим достижением в дипломатии, он говорил о 1975 годе и закреплении послевоенных границ в Европе. Конечно, наследие 1975 г. состоит не столько в закреплении этих границ – с тех пор многие границы в Европе изменились и не исключено, что в XXI в. изменяться будут ещё не раз, – сколько в том, что тогда, в условиях холодной войны, хотя и в фазе потепления, ведущие европейские и мировые центры силы пришли к пониманию: надо садиться за стол переговоров и выработать модус вивенди, с тем чтобы противостоящим сторонам развиваться в относительной безопасности.

Наследие 1975 г. до сих пор крайне актуально. Продолжением Хельсинкского заключительного акта стала Парижская хартия для Европы, подписанная в 1990 г. В ней говорится об общеевропейской системе безопасности – равной и неделимой. Наша дипломатия регулярно проговаривает этот тезис с западными партнёрами, говорит о недопущении закрепления новых разделительных линий в Европе.

В экспертных кругах ведётся много дискуссий по вопросу о том, как можно использовать наследие держав XIX в. и наследие 1975 г. для того, чтобы выйти на какие-то новые идеи, касающиеся регионального и глобального регулирования и управления в XXI в. Хельсинкский заключительный акт считается и в нынешних условиях одним из краеугольных камней в обеспечении безопасности Большой Европы. Но одновременно признаётся, что само по себе декларирование заложенных в нём принципов сегодня недостаточно. Надо выходить на новые форматы, новые соглашения, где,

с одной стороны, могли бы подтверждаться принципы 1975 г., но, с другой стороны, закреплялись бы новые механизмы их реализации в условиях полицентричного мира. В отличие от биполярного мира, когда был подписан Заключительный акт,

обстоятельства полицентризма сильно отличаются, здесь масса игроков, и их мнение надо учитывать. Так что 1975 г. – огромное достижение, но на нынешнем этапе этот документ нуждается в доработке и обновлении.

БЕЗ УЧАСТИЯ РОССИИ ОБОЙТИСЬ НЕ УДАСТСЯ

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

“Прочная и реальная система безопасности в Европе может быть с большим трудом создана без Москвы и невозможна против Москвы” – такая позиция сформулирована в докладе уважаемого в Европе германского Института исследований проблем безопасности фонда “Наука и политика” (доклад опубликован в 2016 г.). С пожеланием обратить внимание на это высказывание, осмыслить его обратился к участникам заседания почётный директор Института Европы РАН академик РАН **В.В. Журкин**.

Факты говорят о том, что санкции в отношении России будут продолжены, не стоит питать иллюзий по поводу возможности их отмены в ближайшем будущем. Но в сфере безопасности позитивный диалог с Европой возможен. Что служит основой для такого вывода? Успешно функционирует Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), истоки которой восходят к Хельсинкскому совещанию 1975 г., ставшему самым большим собранием лидеров Европы со времени Венского конгресса 1814–1815 гг. Значительна её роль в подписании Парижского договора 1990 г. об обычных вооружённых силах в Европе. Тогда около 50 тыс. единиц крупной военной техники (танков, артиллерии, вертолётов, самолётов) были либо уничтожены, либо вывезены из европейской зоны. О важности усилий ОБСЕ можно судить по тому, что хрупкое перемирие на востоке Украины во многом обеспечено деятельностью миротворческой миссии этой организации.

По словам В.В. Журкина, сегодня очень активно, и во многом по инициативе России, заработали субрегиональные организации. Их несколько, в том числе Арктический совет, Совет Баренцево-Атлантического региона, “Арктика – территория диалога”, “Черноморское экономическое сотрудничество”. На их базе вполне реально принятие важных решений в сфере укрепления общеевропейской безопасности.

В основе здравых действий политиков лежит понимание, что новое вооружённое столкнове-

ние в Европе – безумие. Это понимали лидеры и СССР, и Западной Европы со времён У. Черчилля и И.В. Сталина. Правда, у Черчилля был план под названием «Операция “Немыслимое”», состоявший в том, чтобы по окончании Второй мировой войны военным путём вернуть Советский Союз к его довоенным границам. Многие годы считалось, что этот план – выдумка советской пропаганды, но последние рассекреченные английские документы говорят о том, что он всерьёз обсуждался в британском генеральном штабе совместно с американцами. Судя по всему, военные убедили Черчилля, что если начать его осуществлять, то Советский Союз продвинется ещё дальше на Запад. Кстати, в Англии вышла первая книга на эту тему, перевод её под названием «Операция “Немыслимое”» опубликован и в России.

Как реально может начаться процесс возрождения системы общеевропейской безопасности? Во-первых, на основе уже существующих структур. На Западе, особенно в Германии, уже неоднократно высказывалось мнение: не стоит ли провести новое представительное совещание, подобное Хельсинкскому? Но Совещание 1975 г. готовилось на протяжении десятилетия, соответственно, подготовка новой встречи также займёт не один год. Тем не менее даже маленькие шаги к организации такого масштабного форума, а также к возрождению реальной системы европейской безопасности можно только приветствовать.

Директор Института Африки РАН член-корреспондент РАН **И.А. Абрамова** коснулась таких важных проблем, как угроза терроризма и распространение радикальных идей в Европе, в том числе и в России. В последние три года резко выросли миграционные потоки, но они представляют опасность не сами по себе, а в связи с радикализацией значительных слоёв мигрантов. Каковы её причины? По мнению И.А. Абрамовой, их три. Первая – ухудшение материального положения, в первую очередь мусульманской диаспоры как за пределами Европы – в тех странах, где ощути-

мы тяжёлые последствия “арабской весны”, так и в самой Европе. Представители арабского населения говорят об ответственности европейцев за эти события, полагая, что они должны “заплатить по долгам”. Отсюда идея: приезжать в Европу не столько для того, чтобы работать, сколько за социальными благами. Вторая причина – настойчивое побуждение мусульманского населения в рамках “арабской весны”, а фактически социального эксперимента по радикализации, выступать с протестами против собственного государства и его лидеров. В первую очередь такое побуждение касалось молодёжи, и сейчас оно “аукается” тем, что молодёжь, в том числе и в европейских странах, также активно радикализируется. Причём это касается не только мусульманской общины, но и христианских общин. Третья причина, очень существенная, – отказ значительной части европейского пространства от какой-либо идентичности, индивидуальности во всех её проявлениях. Это отказ от идеи национального государства, отказ от сильных политических лидеров (они могут создаваться буквально из ничего, как произошло с Макроном), это идея отказа от различия полов, различия между матерью и отцом.

Универсализация, проповедуемая во всех европейских странах, сталкивается с идеей сильной национальной идентичности, характерной для арабского и восточного обществ. У представителей этих обществ отмечается когнитивный диссонанс: они хотят пользоваться преимуществами жизни в Европе, в то же время отрицая европейские моральные и идеологические ценности. Это также усиливает радикализацию, приводя, по сути, к формированию в Европе феномена параллельного восточного общества. Более того, информационные технологии, которые призваны объединять людей, позволяют тем, кто разорвал связи со своими странами, оставаться за счёт постоянного общения в Интернете в своём родном культурном и языковом пространстве. То же самое, и это опасно, происходит в России (об этом можно судить по поведению нынешнего поколения мигрантов), хотя в нашей стране нет универсализации и отказа от идеи национального государства.

Взявший затем слово директор Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН член-корреспондент РАН **Ф.Г. Волголовский** выделил приоритеты политики США по отношению к Европе. Д. Трамп и во время своей избирательной компании, и уже став президентом, неоднократно высказывался о необходимости пересмотра отношений с европейскими союзниками, неоднократно говорил о том, что они должны больше платить за свою оборону. В этом отношении он продолжает политику администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы. Сегодня критериям, предъявляемым членам НАТО в сфе-

ре военных расходов, соответствует только пять стран, остальные не несут этого бремени на должном уровне. Более того, на протяжении последних 15 лет периодически наблюдается тенденция к снижению их военных расходов, и только жёсткая позиция Вашингтона останавливает европейских союзников от более существенных сокращений.

Перед администрацией Трампа стоят сложные вопросы: на что сделать основной упор в военной политике и политике безопасности, на каких видах вооружения и военной техники и, главное, какие регионы приоритетны? Последний вопрос – ключевой для США на перспективу. Будут ли они увеличивать своё присутствие в Европе (сейчас здесь размещены 62 тыс. американских военных и большое количество военных баз) и выстраивать меры противодействия России? Американская стратегия европейской безопасности формулируется прежде всего как стратегия противодействия российской угрозе. Это говорится открытым текстом, особенно в высказываниях военных, в том числе таких высокопоставленных, как глава Европейского командования вооружённых сил США в Европе и Верховный главнокомандующий Объединённых вооружённых сил НАТО генерал К. Скапаротти. Другой вариант: сконцентрировать внимание на Азиатском и Тихоокеанском регионах, что ведёт к иному распределению военных расходов, к принятию иных программ вооружений и военной техники, иного стратегического планирования и иным подходам к выработке военной стратегии. Суть дилеммы состоит в том, будут ли Соединённые Штаты выстраивать свою политику безопасности с ориентировкой на противодействие Китаю или России.

Дело в том, что, и это признаёт большинство американских аналитиков, США не могут одновременно осуществлять военное планирование в отношении и Китая, и России, особенно учитывая динамику роста военных расходов Пекина. Деятельность администрации Обамы, итоги украинского кризиса показали, что США “выстроили” своих союзников в политическом отношении, но так и не смогли заставить их увеличить бремя оборонных расходов.

Ещё один вопрос: вернётся ли администрация Трампа к программам Буша-младшего, направленным на развёртывание стратегической системы противоракетной обороны США в Европе? Как мы знаем, администрация Обамы придерживалась поэтапного подхода, в соответствии с которым развёртывание систем противоракетной обороны должно быть адекватно развитию угрозы. Но тогда в качестве угрозы назывался Иран, сейчас всё чаще – Россия. С чем это связано? Во-первых, нашу страну обвиняют в нарушении Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Во-вторых,

крайне негативно было интерпретировано размещение комплексов “Искандер” в Калининградской области. Многие американские военные аналитики открытым текстом называют Россию потенциальной ракетной угрозой США и их европейским союзникам, а также американским базам в Европе.

Трамп наращивает военные расходы, и он ориентирован на то, чтобы сделать военную отрасль одним из локомотивов стимулирования экономического роста. Захочет ли он развивать программу стратегической ПРО, ориентированной на Россию, или отдаст приоритет Азиатско-Тихоокеанскому региону, соответственно, программам развития военно-морского флота и ПРО в данном регионе? Пока на эти вопросы нет ясного ответа.

Научный руководитель Института Латинской Америки РАН член-корреспондент РАН **В.М. Давыдов** выделил две составляющие доклада Ал.А. Громыко. Первая – фундаментальный академический подход к систематизации имеющихся знаний, вторая – выход на прикладную тематику, те внешнеэкономические и внешнеполитические решения, которые желательны в нынешних условиях для Российской Федерации.

В связи с проблемой европейской безопасности В.М. Давыдов акцентировал внимание на таком важном вопросе, как устойчивый рост социального неравенства, который меняет социальный и политический климат в Европе, меняет партийно-политическую структуру европейских стран. Одновременно происходит демонтаж социального государства, что ведёт к росту протестных настроений. Последние президентские выборы во Франции рельефно обозначили эту болевую точку. Новому поколению политиков придётся искать какие-то компенсирующие механизмы для нейтрализации негативного эффекта. Что касается взаимоотношений России с Западом, то конфронтация зашла очень далеко. Даже при активном дипломатическом диалоге на разбор возникших при этом завалов уйдёт много времени. Это надо сознавать и делать выводы и для военной, и для экономической стратегии.

Требуется уточнения понятие европейской цивилизации. Неслучайно С. Хантингтон различал западно-христианскую и восточно-христианскую цивилизации и высказывал предположение о геополитических рисках, которые в перспективе могут проявиться на разломе цивилизаций. События, происшедшие в непосредственном окружении России, – явное доказательство правильности этого тезиса. Клубок противоречий наблюдается, например, в Молдове. Туда внедряются новые игроки, такие, как Турция, опирающаяся на гагаузское меньшинство. Серьёзную активность проявляет нынешний киевский режим. Что может сделать Россия для сохранения своей социально-политической базы

в этой и других республиках бывшего СССР? По мнению В.М. Давыдова, стратегия и тактика Москвы до сих пор были ориентированы в основном на старшее поколение. Но сегодня ставка должна быть сделана на молодёжь. Борьбу за неё Россия может проиграть. Российские университеты поощряются за налаживание связей с Гарвардом и Оксфордом, в то же время укреплению связей с университетами ближнего зарубежья, массовому обмену студентами с ними уделяется мало внимания. Это большая ошибка. Если Россия не будет бороться за умы молодёжи в соседних с ней странах, трагические ошибки, допущенные на Украине, повторятся.

Заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова член-корреспондент РАН **А.В. Кузнецов**, позитивно оценив заслушанный доклад и отметив, что в нём дана обоснованная классификация внутренних и внешних угроз безопасности, напомнил, что ОБСЕ с 1990-х годов стала обращать внимание на то, что безопасность имеет ещё экономические и экологические аспекты. Но чёткой формулировки самого понятия экономической безопасности в Европе пока не выработано. В ОБСЕ её понимают узко, в основном сводя к проблемам транспортных перевозок. В ЕС трактуют шире, но тоже однобоко, что связано с его зависимостью от импорта энергоносителей. Неслучайно Россия сталкивается с противодействием своим инвестиционным проектам в Европе именно под предлогом экономической безопасности. Удручает и то, что наиболее острой проблеме в сфере экономической безопасности – миграции – даются диаметрально противоположные оценки. Евросоюз за 2014–2016 гг. принял более 3 млн беженцев, причём более трети из них въехали в Германию. А Великобритания, которая разыгрывала эту карту, в том числе на референдуме о выходе из ЕС, в год принимала менее 40 тыс. человек, меньше, чем Швеция или Венгрия.

Следующий аспект – экологическая безопасность. В странах Европы, особенно в ЕС, уже не один год ведётся работа по адаптации к изменениям климата, но она пока не приобрела системный характер. Речь идёт не только о таких краткосрочных, пусть и разрушительных проблемах, как наводнения, засухи, пожары, но и о влиянии изменения климата на здоровье человека, воздействии на отрасли экономики, прежде всего сельское хозяйство, рыболовство, туризм. По мнению А.В. Кузнецова, несмотря на то что в международных дискуссиях вопросы экономической и экологической безопасности оказываются далеко не на первом плане, с позиций интересов России – это лучшие темы для конструктивного диалога с партнёрами по

Европейскому союзу, открывающие возможности сотрудничества.

Академик РАН **А.А. Кокошин** сосредоточил внимание на проблеме военной безопасности. Крупные соглашения 1980-х годов по сокращению вооружённых сил и вооружений в Центральной Европе стали результатом сложных, длительных переговоров, значительных интеллектуальных усилий, поскольку речь шла о таких сокращениях, которые снизили бы наступательные возможности сторон. С тех пор произошли радикальные изменения, связанные не только с распадом Варшавского договора и Советского Союза, но и с появлением вооружений новых поколений – робототехнических боевых систем, высокоточного оружия, средств радиоэлектронной борьбы и т.д. Для перехода к новой повестке переговоров по ограничению и сокращению вооружений нужно тщательно проанализировать военные технологии нового уровня, особенно те из них, которые угрожают стабильности и в острой кризисной ситуации могут привести к неуправляемой эскалации во взаимоотношениях Российской Федерации со странами НАТО. Первые шаги с нашей стороны сделаны. В 2016 г. Министерство обороны РФ передало ряд соответствующих предложений странам НАТО, но в ответ получило лишь невнятные заявления. Тем не менее наши усилия должны быть продолжены. Для того чтобы пойти вперёд и радикально решить некоторые вопросы военной безопасности, нужна серьёзная интеллектуальная основа. Здесь не обойтись без тесного взаимодействия учёных гуманитарного, общественно-научного профиля с теми, кто глубоко разбирается в новейших военных технологиях.

Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

академик РАН **Т.Я. Хабриева** поддержала классификацию угроз и вызовов Большой Европы, предложенную Ал.А. Громько, и обратила внимание на следующий нюанс. По завершении холодной войны – и это отмечено многими исследователями – изменился характер угроз. Множественным рискам и угрозам последних лет свойственна высокая степень неопределённости, ибо очень трудно предположить, когда и откуда ждать опасности. Наглядный пример – терроризм.

По мнению Т.Я. Хабриевой, Большая Европа не приобрела пока реальных очертаний, её конфигурация вызывает вопросы, а само представление о ней требует обновления и дальнейшей концептуализации. С точки зрения обеспечения безопасности, действующая концепция Большой Европы более всего соотносится с концепцией ОБСЕ. Эта организация объективно оценивает многие события, происходящие в Европе и за её пределами, ставит серьёзные задачи, но в то же время её юридический статус нуждается в проработке и уточнении. Она, например, до сих пор не имеет своего устава.

Подводя итоги обсуждения, академик РАН **В.В. Козлов** отметил, что доклад Ал.А. Громько содержит подробный, аргументированный анализ сегодняшнего состояния европейской безопасности. Задача научного сообщества также в том, чтобы формулировать прогнозные оценки. Именно этого ждут от научно-исследовательских институтов и экспертов Российской академии наук.

*Материалы обсуждения подготовил к печати
С.С. ПОПОВ,*

“Вестник РАН”, Москва, Россия
ssp1950@mail.ru